

«Ад и рай внешне не отличаются.
Ад — когда бродишь по раю, а чувствуешь себя несчастным».

Морис Дрюон

На ее глазах автомобиль, двигавшийся с запредельной для города скоростью, занесло, он вылетел на газон и воткнулся в столб. Ляна закричала. Авария была страшной, как и история человека, сидевшего за рулем...

«Силы небесные! — прошептала Ляна, прячась за спинами прохожих. — Я не хотела, чтобы все кончилось вот так!» Ее никто не услышал. Никто, кроме весьма пожилого мужчины, обернувшегося на ее тихий возглас.

— Вы что-то сказали? Мне? — Он пытливо всмотрелся в ее лицо.

— Нет-нет. — Ляна независимо передернула плечами, отвернулась и пошла прочь.

— Ведьма! — донеслось вслед злобное шипение старика. — Не хотела она! Рыжая ведьма....

Он протиснулся сквозь толпу ближе к месту аварии...

* * *

Я сделала это впервые — нарушила главное правило любого экстрасенса, гадалки, целителя: вмешалась, когда не просили. И теперь готовилась предстать перед судом — не Божьим, нет: мой дар (или проклятие) сме-

шал меня с толпой тех, кому предстояло покинуть этот мир во время чумы двадцать первого века. Каждому из этой толпы предстояло пройти свой ад — на Земле или уже покинув ее. Мне земного времени осталось двадцать два часа двадцать две минуты двадцать две секунды... двадцать одна, двадцать, девятнадцать...

Глава 1

Он пришел поздно. Сумрачный летний вечер после дневного проливного дождя был спасительно прохладным — город задыхался от жары уже которую неделю. Не дожидаясь приглашения войти, ввалился в прихожую, двумя движениями скинул с ног летние сандалии и только после открыто посмотрел на меня. «Только не гони!» — выдохнул жалобно, протягивая ко мне руки. Я невольно отшатнулась, кивнув. Почему не выставила за дверь сразу? Он выглядел безумным, загнанным зверем, каким-то внутренним чутьем нашедшим единственное убежище. Где примут и помогут. В глазах — мольба, боль потери и отчаянный страх такой силы, что у меня, тут же перетянувшей на себя немалую долю этого страха, подкосились колени. Но закройся я от него, выставь энергетический барьер — он упал бы замертво прямо здесь, в прихожей. От него уже веяло смертью. Только я пока не поняла — за ним ли она пришла или... за той, кого он не так давно оттолкнул от себя, тут же трусливо сбежав. За молодой, нереально красивой женщиной, чье лицо перед моим мысленным взором быстро превращалось в застывшую маску.

Я, Ляна Бадони, знала обоих — и его, и эту женщину: когда-то мы учились в одном классе. Только я ушла после девятого в музыкальное училище, а они остались. Захар Тальников и Жанна Каверина. Пара, которой пророчили блестящее будущее. Ему — в науке. Ей — в балете. Обоим — в совместной семейной жизни.

— Куда мне... пройти? — Захар покрутил головой: дверей в обозримой близости было пять и только одна гостеприимно распахнута — в крошечную кухню.

— Сюда, — кивнула я на ближнюю справа.

Резко распахнув обе створки, он сделал широкий шаг и остановился, загородив дверной проем.

— Вот же черт! Ты правда ведьма, что ли? Лянка?! — Он обернулся, а я вдруг поняла, что он ничего обо мне не знал эти четырнадцать лет. И пришел лишь потому, что помнил, где жила, когда мы учились в школе. Или на пути его бегства мой дом стоял первым?

— Уйдешь или рискнешь войти? — невольно усмехнулась я, испытав легкую обиду.

— Куда?! Куда это?! Мне некуда! — тут же испугался он, торопливо делая еще несколько шагов и усаживаясь в кресло.

Возможно, не нужно было пускать его в комнату, где я вела прием, вот так, сразу. Единственное широкое окно всегда было закрыто плотной темно-серой шторой, из-за чего в помещении даже солнечным днем царил полумрак. Светильник под потолком я включала редко. Чтобы видеть карты и лицо человека, мне обычно достаточно света бра на стене слева от моего кресла. Сейчас на полках, комоде и поверхности декоративного камина догорали свечи, все разного размера и цвета. На овальном столике, покрытом алой бархатной ска-

тертью, «отдыхала» колода карт Золотого Таро, притягивая взгляд загадочными для непосвященного картинками. Ритуальный ножик, агатовые четки и небольшой православный крест я успела уложить в шкатулку, но крышка оставалась открытой. Из колонок тихо звучала очередная композиция «Энигмы».

— Да, ведьма, — просто ответила я и нажала выключатель на стене — яркий свет люстры тотчас лишил помещение таинственности. — Расслабься, Захар, в жабу превращать тебя не собираюсь. Скажи, зачем ты убежал из дома? Возможно, Жанна была еще жива.

Это была моя маленькая месть. Сейчас он засыплет меня вопросами, пытаюсь скрыть страх, затем встанет в позу «не верю, тебе рассказали», а успокоится, лишь когда до него дойдет, что как раз рассказать мне никто ничего не мог. Не было там, в доме, никого. Он и Жанна. И последний кадр в его памяти — она, Жанна, неподвижно застывшая в нелепой позе на белоснежном пушистом коврикe: ноги согнуты в коленях, руки раскинуты в стороны, спина опирается на кровать. Половину лица не видно, его закрывают растрепавшиеся волосы...

— Не жива она, Лянка. — В голосе звучала обреченность. — Я ее убил. Не хотел, нет! Вышло случайно, веришь? Нужно было бы, чтобы она в себя пришла, алкашка! Выспалась, что ли... или наоборот, вообще заснула. — Захар бросил на меня испуганный взгляд. — То есть я не это хотел сказать! Вообще — это чтобы спала уж, а не отсвечивала перед матерью. Мать вот-вот должна была прийти, я уж думал — там она, когда домой ехал. Но, слава богу, не было ее. Или наоборот, не слава богу?! А?! Как думаешь? Ну да... Как ты ду-

мать можешь... Тебя там не было, да и по фигу уже я тебе! Зря пришел...

— Захар, хватит истерить, — спокойно посоветовала я: мне нужно было подумать.

— А ты спрячешь меня? Ну, хотя бы по старой памяти! Сейчас Жанкина мать уже наверняка пришла, а там — труп вместо дочери. Ты знаешь, кто у нее любовник? У Гелы?

Я не знала. Ангелина Станиславовна осталась в моей памяти неким воздушным созданием без комплексов и царя в голове. Каверин женился на ней, как говорила мамина подруга Тата, буквально «сняв с подиума» городского конкурса красоты. Жанна у них родилась не в срок, чуть раньше, что тоже было предметом обсуждения Таты и мамы. Да, подслушивая их разговоры, я узнавала светские сплетни первой. Передавать информацию дальше было некуда: близких подруг не держала, так и не прикипев душой ни к одной из ровесниц.

Я отрицательно помотала головой — не знаю...

— Жора Фандо. Ресторан и отель «Греция» на набережной, клуб «Бигль», парк «Остров бест». Ну и так, по мелочам — офисные здания, парковки, магазины. Слышала о таком? Впрочем, откуда... прости. Он почти наш ровесник, Лянка! А она с ним... Хотя все фигня, их дело... но башку Жора мне снесет точно. Если не спрячешь... У тебя дача жива? У озера?

Значит, шел ко мне целенаправленно. И уж никак не за помощью гадалки, коей являюсь. Что ж, не буду обманывать. Дом на Агатовом озере, которое с чьей-то нелегкой руки дачники называли Озером грешников, вполне крепок и даже обитаем. Я с родителями про-

жила в этом коттеджном поселке семь лет, ровно до моего поступления в школу. Наш дом стоял первым от дороги, другие были рассыпаны в беспорядке по лесу, словно кто-то сверху гигантской рукой щедро кинул горсть одинаковых деревянных строений. Количество восемнадцать. Обшитые досками стены со временем приобрели мрачный оттенок сильно отсыревшего дерева. Почему-то особенно черной стала та сторона, что к озеру. Что мешало владельцам дач окрасить фасады цветной краской, я не знаю. Впрочем, я сама до сих пор не удосужилась купить хотя бы ведро для окраски окон — разбухшие от сырости за зиму рамы закрывались с большим трудом. Заборов в поселке не имелось, как и, собственно, определенных границ участков. Но самым непонятным было то, что нам, детям, было запрещено рассказывать об этом месте кому бы то ни было под страхом страшного наказания. Мне смолчать было легче всех — наша семья жила здесь круглый год, остальные же наезжали из города чаще летом и совсем редко зимой. И почти всегда с бабушками и дедами, не жели с родителями.

Отец работал комендантом этого странного места: то ли дачного массива, то ли небольшого загородного коттеджного поселка. Днем я была с ним, мама уезжала, как говорил отец, «на службу» — рано утром меня будил звук клаксона служебной «Волги», водитель которой жил в самом ближнем от нас доме — на высоком берегу озера. Сложное для меня слово «архивариус» я четко выговаривала к трем годам, вызывая у мамы улыбку. Смысл же стал понятен мне не скоро.

Со всех сторон стеной стоял смешанный лес, большей частью хвойный. Рос он и по берегам озера, вытянутого вдоль на много километров. Купаться настрого запрещалось, но почему так, похоже, никто не знал. Нам, детям, нельзя было даже приближаться к единственному сходу к воде — крепко сколоченным деревянным мосткам, с которых набирали воду для технических нужд взрослые. Питьевую же приносили из источника в глубине леса. Отец считал ее целебной, заваривая травяной чай по собственному рецепту.

Мы, дети, ходили друг к другу в гости, но я не помню, чтобы взрослые когда-нибудь собирались вместе. У мостков, набирая воду, они, вежливо здороваясь, перекидывались парой фраз и расходились по своим домам. Жизнь в поселке замирала рано, задолго до прихода темноты. Уже совсем поздним вечером отец включал слабое «уличное» освещение, приносил дрова для камина, если было прохладно, и запирал дом. Я забиралась в мансарду и выглядывала в окно — самих коттеджей видно не было, лишь россыпь огней — то был свет в окнах.

До самого переезда в городскую квартиру я была уверена, что абсолютно в каждой семье есть автомобиль «Волга» с водителем, пианино в гостиной и библиотека-кабинет: во всех дачных коттеджах именно так называлась комната в мансарде с книжными стеллажами вдоль одной из стен и обязательным камином...

С каждым годом все больше домов в отпускной сезон оставались закрытыми — лишенный комфорта отдых радовал лишь непритязательных любителей тишины и уединения. Этим же летом на дачах постоянно

пребывал только один человек, и жил он в моем доме. Теперь я размышляла, могу ли подселить к нему соседа.

«Да пусть едет, в конце концов. Уживутся как-нибудь с дедом», — решила я, стараясь не вникать, возможно ли это вообще.

— Дача жива. Но... там условия не очень.

— Фигня вопрос!

— Ты будешь не один. В доме живет дед — Егор Романович. Он никуда не выезжает, я продукты привожу, иногда остаюсь на несколько дней. Ему семьдесят пять, он здоров и бодр. Но характер не из легких, — предупредила я и на миг задумалась: я совсем не знала нынешнего Захара, но тот, шестнадцатилетний, которого помнила, был стопроцентным эгоистом. И ловким манипулятором.

— Твой дед? Не обижу! Я на неделю, не больше. Спасибо, Лянка, друг!

«Ну, не друг я тебе, Тальников! Ни разу не друг! Но не выгонять же тебя... в лапы некоего Фандо!» — подумала я, выходя из комнаты.

— Есть хочешь? — обернулась в дверях и застыла: Захар беззвучно плакал...

Нет, мужские слезы для меня не признак слабости, скорее наоборот. В этой комнате я видела всякое... Но в кресле ссутулился в безнадежной усталости некогда безответно любимый мною человек. Любимый безумно и слепо первой и, похоже, единственной любовью. Предавший вмиг, но так и не ставший чужим. Прощенный, но так и не осознавший свою вину. Он не считал себя виновным, списывая свое предательство на обстоятельства. Так сложилось... Я, оправдывая его, повторяла за ним: «Да, так сложилось...» — забывая мучи-

тельно долго, беря ранау при каждом взгляде на школьную фотографию...

Вернувшись в комнату, я осторожно присела на подлокотник кресла, обняла Захара за плечи, устроив свою голову на его макушке. От волос пахло табаком и мужским шампунем.

Я понимала, «снять» с него информацию будет несложно: я все еще остро чувствую ментальную связь с ним. Я закрыла глаза...

...Я «смотрю» сверху, с высоты потолка огромного холла стилизованного под старину особняка. Внизу Захар, только что вошедший с застекленной веранды в дом, громко зовет Жанну. Вот он ставит на пол сумку с ноутбуком, прислонив ее к гнутой позолоченной ножке банкетки. На атласную обивку кидает папку, промахивается, та, краем задев угол сиденья, соскальзывает вниз. Он оборачивается на звук, но тут же задирает голову — на верхней ступеньке полукружья широкой лестницы стоит Жанна. Она крепко вцепилась в перила, но все равно пошатывается. Красота ее слегка поблекла за те годы, что мы не виделись, но фигура ошеломляет своей точеной стройностью. «Опять?! Я же просил сегодня не пить, Жанна!» — с досадой кричит ей Захар и идет к лестнице. Громкий с надрывом хохот Жанны, неловкий поворот, рука отрывается от перил... Захар в два прыжка преодолевает оставшееся до нее расстояние и успевает удержать от падения...

— Жанна давно пьет, Захар? — «возвращаюсь» я в себя.

— Как выгнали из балета. Нет, вру. Ее выгнали за пьянки. Четыре года назад, когда умер отец, а Гела стала с Фандо мутить, Жанка с катушек слетела. А откуда

ты знаешь? Про Жанку? Следила за нашей жизнью, да? Ну, понятно... А я вот забыл о тебе, — без тени сожаления говорит он.

У меня на миг перехватило дыхание...

Глава 2

Я «стерла» все воспоминания о нем. По крайней мере, до этого момента была уверена в этом. И вот это небрежное «забыл»...

— Нет, не следила... Сиди смирно. — Глубоко вздохнув, я спустила ладони ему на грудь и вздрогнула — сердце билось часто, но глухо. Я вновь опустила веки...

...Он несет ее по коридору как куклу: руки безжизненно свисают вниз, голова запрокинута назад. Но Жанна явно жива — я «слышу» короткие фразы и смешки, но слов не различаю. Захар останавливается у одной из дверей, пинает приоткрытую створку, заносит Жанну и кидает на широкую кровать. Та громко хохочет. «Ты сама сейчас спалишься — Гела уже едет сюда! Я не буду больше тебя прикрывать. Все, хватит». Я «вижу» его лицо — он смотрит на жену с откровенной брезгливостью. «Да пошел ты, моралист чертов... вы все скоро у меня... пойдете!» — уже спокойно и зло отвечает та, резко поднимается с кровати, тянется к бокалу с темной жидкостью, стоящему на тумбочке. Глоток, еще один... Быстро допивает содержимое до конца. Бокал падает, но не разбивается. Жанна вытягивается, пытаясь схватиться за Захара. Лица ее не

вижу, только мужские руки, легко отталкивающие ее за плечи. Жанна падает, но не на кровать, а рядом, и замирает в странной позе. Захар пятится к двери...

— Захар, ей же можно было помочь, а ты сбежал! — не удержалась я.

— Чем я ей помог бы?! Толкнул на кровать, чтобы проспалась! Я же не знал, что она упадет мимо! И вот так... застынет! Стоп! А ты... не может быть! Ты видишь, что ли, все это?! Как?!

— Не важно, — вновь отговорила я, убрала руки с его груди и соскочила с подлокотника кресла. — Жанна упала, ты даже не посмотрел, что с ней, и сбежал. Это — факт.

— Ты думаешь, жива она? — спросил он с надеждой. Я лишь отрицательно помотала головой.

— Где твой телефон, Захар? Ноутбук, папка, что ты принес в дом? В ней какие-то важные документы?

— Вот телефон. Я сим-карту выкинул. Да, каюсь, бесполезный жест. — Захар, повертев айфон в руке, отбросил его на стол. — Дай пакет какой-нибудь.

Я молча достала из секретера бумажный конверт формата А4 и протянула ему.

— На кухне молоток для мяса возьми.

Он вернулся скоро, потряс запечатанным конвертом — телефон расколотил на мелкие кусочки.

— Все. Остальное в машине. — Захар успокоенно улыбнулся. — Поедем прямо сейчас на дачу, а? Не хочу тебя подставлять! Жора чухнется, ищейку по следам пустит. Понатыкали камер на каждом перекрестке! Я авто оставил за три квартала отсюда во дворе, где три барака старых. Знаешь, у порта? Чуть не единственный двор в центре без шлагбаума! Заезжай кто хочешь.